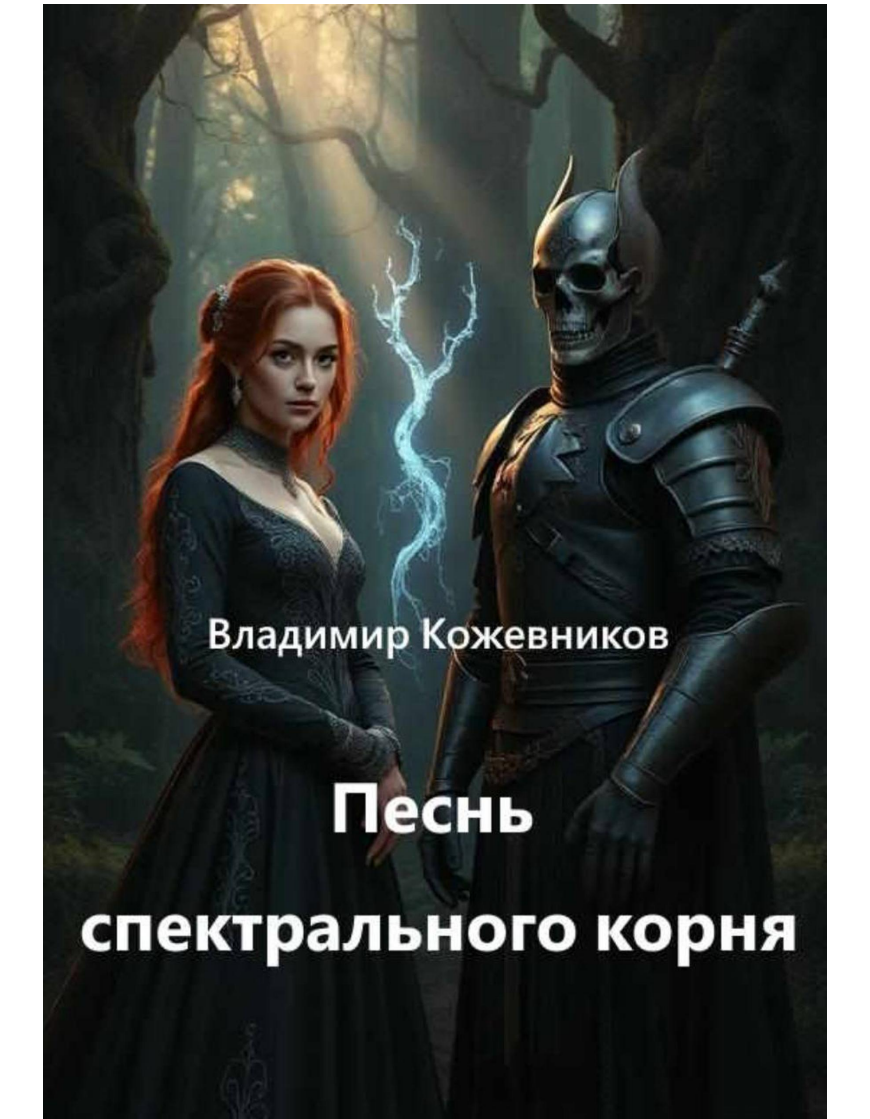

Владимир Кожевников

**Песнь
спектрального корня**

Владимир Кожевников

Песнь спектрального корня

<https://litres.ru/74326287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ли́ра, герцогиня Пепельной Зари, умирает не от болезни — она обращается в камень, и её дом обречён. Единственный выход — брак с принцем вражеского Двора Вечной Гнили. Но Кэлум, закованный в костяной доспех, носит не корону, а проклятие: его прикосновение разлагает живую плоть, а дыхание несёт чуму. Их союз — не любовь, а холодный политический расчёт, где близость смертельна, а доверие стоит дороже магии. Чтобы выжить, им предстоит превратить увечье в оружие, раскрыть секреты, которые питает Чёрный Лес, и решить, чем пожертвовать ради власти — собой или друг другом. Мрачная история о браке без иллюзий, где страсть рождается не из нежности, а из адреналина совместных убийств.

Содержание

Глава 1. Танец на остывающем пепле	4
Глава 2. Спектральная материя	10
Глава 3. Пожатие сквозь саван	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Кожевников

Песнь спектрального корня

Глава 1. Танец на остывающем пепле

Лира проснулась оттого, что левый мизинец отказывался сгибаться. Не боль — боль давно стала привычной, — а именно отказ, глухое, каменное неподчинение. Она откинула покрывало цвета запёкшейся крови и села, разглядывая палец. Кожа на нём матово светилась, покрытая инеем, который не тает. Фейри не умирают — они превращаются в статуи, когда их внутренний огонь иссякает. Ей сорок семь, и огонь этот в ней догорал. Сначала конечности, потом речь, потом сознание — и ты уже изваяние в галерее предков, прекрасное и пустое.

В зеркале из тёмного серебра отразилась женщина, похожая на выкованный клинок: ржавые волосы, янтарные глаза с прищуром оценщика, скулы, способные разрезать воздух. Герцогиня поправила высокий ворот — под тканью, на ключицах, каменела кожа. Внешне — всё та же Лира, политический хищник. Внутри — осыпающаяся скала.

— Моя искра угасает, — произнесла она вслух, пробуя

голос. Тот звучал ровно. Хорошо. Сегодня он должен звенеть как лезвие, завёрнутое в шёлк.

Заседание Тайного Совета она начала не с объявления. Сначала — тишина. Лира медленно обошла круглый стол из окаменевшего корня, касаясь кончиками пальцев спинки кресел советников. Каждый чувствовал холод, исходящий от её кожи, и внутренне сжимался.

— Лорд Берилл, — она остановилась за спиной казначея. — Каков на сегодня долг нашей казны перед Домом Тлеющих Углей?

Крылья Берилла-мотылька задрожали.

— Тридцать тысяч спектральных драхм, госпожа. Они требуют выплаты до солнцестояния, иначе грозят арестом наших рудников.

— И что предлагаешь ты?

— Я... просить отсрочку, заложить гобелены...

— Отсрочку? — её смех был похож на пересыпание битого стекла. — Лорд Углей знает, что я угасаю. Он не даст отсрочки. Он даст нам месяц, а потом вырежет весь Дом, как гнилую сердцевину. Ты предлагаешь мне, наследнице Пепельной Зари, просить? Нет. Я предлагаю заключить такой союз, от которого у них испортится кровь.

Она обвела взглядом собрание. Генерал Морвен, изуродованная в боях, понимающе усмехнулась. Остальные — леди Офелия, мастер шёлка, парочка младших лордов — затаили дыхание.

— Двор Вечной Гнили, — бросила Лира в тишину. — Я выхожу замуж за принца Кэлума.

Леди Офелия приоткрыла рот, но Лира подняла палец, и та окаменела.

— Знаю, что ты скажешь. Он — Сосуд Чумы. Его прикосновение разлагает плоть. Как я зачну наследника? Ответ прост: я не настолько глупа, чтобы подставлять ему свою кожу. Я найду способ коснуться его магии, не умирая. А пока политический вес этого союза защитит нас. У Гнили есть то, чего нет у Углей — спектральный мох, и, главное, у них есть страх, который внушает один лишь вид принца. Этот страх я беру в аренду. Если кто-то предпочтёт обсуждать моё бесплодие за моей спиной, напомним: я ещё не камень, и мой язык острее ваших клинков. Вопросы?

Вопросов не было. Генерал Морвен коротко кивнула — жест уважения.

Три дня спустя они стояли на краю Черного Леса. Лес дышал. Это был не просто массив деревьев, а единое существо, сплетённое из полуночи, секретов и гнилых корней. Кора на стволах вздымалась и опадала, словно лёгкие. Под ногами хлюпала земля, насыщенная спорами, и каждый шаг отзывался шёпотом на границе слышимости. Генерал Морвен сплюнула:

— Терпеть не могу это место. Такое чувство, будто лес знает, как меня звала мать в детстве.

— Он и знает, — спокойно ответила Лира. — Поэтому у

него ничего на меня нет. Все мои тайны либо мертвы, либо давно превращены в оружие.

При слове «оружие» ближайший корень, тянувшийся из земли, дёрнулся и сморщился, словно обжёгшись. Лес глухо застонал, и стон этот унёсся эхом в чащу. Лира даже не взглянула в ту сторону.

На границе их ждала делегация Двора Вечной Гнили. Фейри Гнили выглядели так, словно их вынули из болота и деликатно осушили: бледная, почти прозрачная кожа, тёмно-зелёные вены, запах пряного разложения. Лорд-регент Тибальт, дядя принца, изобразил улыбку чёрными дёснами и развёл руками.

— Герцогиня. Вы готовы? Мой племянник ожидает у дуба. Он настаивает на соблюдении протокола дистанции.

— Я бы разочаровалась, если бы он не настаивал, — отрезала Лира и пошла вперёд одна.

Принц Кэлум оказался в точности как в донесениях: доспехи из костяных пластин, маска из цельного черепа, перчатки. О перчатках говорили разное, но в Доме Гнили Лире поведали правду: проклятие Сосуда Чумы было родовым, и члены династии обладали частичным иммунитетом друг к другу до совершеннолетия носителя. В ночь, когда Кэлуму исполнилось двадцать пять, проклятие завершило поглощение, убив короля, рискнувшего прощальным объятием. Тогда же, ритуально, с его рук сняли кожу и выделали перчатки — единственный барьер, который принц мог носить без

вреда для себя, ибо кожа отца всё ещё помнила сына. Это была не столько защита, сколько траурный саван.

Кэлум стоял под спектральным дубом, с чьих ветвей свисали гроздья фосфоресцирующих наростов. Никакого величия — лишь строгая функциональность смерти, заточённая в человеческий силуэт. Тьма в прорезях маски была гуще, чем тень от дерева.

— Герцогиня Лира, — голос его звучал как шёпот трескающегося льда. — Ваши покои готовы. Церемония через три часа. Вам зачитают правила. Первое: не приближаться ко мне без разрешения.

Лира не ответила. Вместо этого она достала из складок плаща свиток с условиями договора и, сделав полшага вперёд, положила его на широкий, поросший мхом корень — ровно посередине между ними. Кэлум, чтобы прочесть, должен был либо подойти, либо попросить подать. Она отступила ровно на шаг, давая ему выбор. Жест был простым, но безупречным: правила устанавливает не только тот, кто носит маску.

Принц помедлил. Затем сделал шаг, наклонился, поднял свиток, и их разделяло всё те же смертоносные несколько футов. Но иерархия уже качнулась.

— Инструмент... — прошептал он, читая её приписку на полях, предлагавшую точечное устранение его политических врагов в обмен на контакт. Слово не прозвучало как оскорбление — скорее, как задумчивое признание нового

качества.

— Да, — Лира наконец позволила себе улыбку — тонкую, как край лезвия. — Именно. Так мы сэкономим время.

Черный Лес за их спинами глубоко, протяжно вздохнул. И в этом вздохе слышался не только голод, но и нечто похожее на предвкушение.

Глава 2. Спектральная материя

Церемония бракосочетания прошла в тишине, которую нарушало лишь дыхание присутствующих — и биение сердца Чёрного Леса, глухое и ритмичное, как барабанный бой под землёй.

Храм Границ был построен на нейтральной полосе, там, где корни Леса выходили на поверхность и переплетались с фундаментом, образуя алтарь. Лира стояла перед этим алтарём, чувствуя, как холод от камня поднимается по босым ступням — ритуал требовал касания земли. Платье цвета свежей золы, расшитое прядями её собственных волос, казалось сотканным из угасающих углей. Напротив, в двадцати футах, застыл Кэлум — костяной доспех, маска, перчатки, непроницаемость смерти.

Жрица, существо без лица и имени, парила между ними, и туман её тела колыбался в такт дыханию Леса. Когда она заговорила, её голос прозвучал сразу в головах всех присутствующих:

— Две крови. Две искры. Одна угасает, другая пожирает. Соединяя их, мы бросаем вызов порядку вещей. Согласны ли вы, Лира из Пепельной Зари и Кэлум из Вечной Гнили, принять цену, которую назначит Лес?

Лира взглянула на Кэлума. Прорези маски были чёрными провалами, но она чувствовала исходящее оттуда напря-

жение — такое же, какое ощущала в собственной груди. Не страх. Предвкушение.

— Согласна, — произнесла она, и собственный голос показался ей чужим — старым, ломким, но решительным.

— Согласен, — раздалось из-под маски. Глухо, как падение камня в бездонный колодец.

Жрица протянула руки. Лира вложила свою обнажённую ладонь в её туманные пальцы, ощутив холод, проникающий до кости. Кэлум, помедлив, сделал то же самое — его рука в перчатке легла поверх ладони жрицы, не касаясь Лир. И всё же магия узнала их.

Лира почувствовала, как её угасающая искра — жалкий уголёк в груди — встрепенулась. Навстречу ей, сквозь туман жрицы, сквозь мёртвую кожу перчатки, сквозь костяной доспех, хлынуло нечто иное — не жар, не холод, а отсутствие. Пустота, голодная и древняя, которая стремилась пожрать её искру целиком. Лира инстинктивно попыталась отдернуть руку, но жрица держала крепко. Искра Лир задрожала, сжалась в точку — и вдруг ответила. Не силой, а знанием. Древним, как сам Лес, знанием о том, что пустоту нельзя заполнить, но можно обмануть. Пустота требовала жертвы — но у Лир почти ничего не осталось. И это делало её неуязвимой.

Кэлум, по ту сторону ладоней, тоже дёрнулся. Лира услышала его прерывистый вдох — даже через маску. Он почувствовал то же, что и она: не отторжение, а странное, неесте-

ственное равновесие. Как будто две бездны на миг заглянули друг в друга и узнали родство. Его проклятие, пожиравшее всё живое, встретило её угасание — процесс, пожиравший её изнутри. Два голода. Два конца.

— Свершилось, — выдохнула жрица, и туман её стал серым, впитывая отголоски проклятия. — Лес свидетель.

Чёрный Лес молчал. Но Лира заметила, как один из корней алтаря, выходявший из-под земли, покрылся тонкой сетью трещин — словно даже камень не выдержал того, что произошло. А где-то в кронах, невидимый глазу, лопнул и осыпался гнилой плод.

Пир после церемонии был данью традиции, не более. Лира сидела во главе стола, Кэлум — рядом, на расстоянии вытянутой руки, которая могла убить. Лорд-регент Тибальт, дядя принца, поднял кубок из потемневшего серебра, наполненный настоем болотных ягод. За окном, выходящим на опушку Леса, дрогнула ветвь — словно лес придвинулся ближе, подслушивая.

— За новую эру процветания! — провозгласил Тибальт, и его чёрные дёсны блеснули в свете грибных ламп. — За то, чтобы наш дорогой племянник наконец-то обрёл... семью.

Лира заметила, как побелели костяшки пальцев Кэлума, сжимавших подлокотник. Но ещё она заметила, как переглянулись лорды из свиты Тибальта — быстрый, понимающий взгляд. Они не верили в долгий брак.

— Ваш дядя, — произнесла Лира, едва шевеля губами,

не глядя на мужа, — празднует не наш союз, а мои будущие похороны.

— Он всегда любил забегать вперёд, — голос Кэлума, тихий и глухой, прозвучал почти равнодушно. — Ему не терпится стать регентом ещё на одно поколение.

— Тогда не будем его томить ожиданием. Начнём работать.

Кэлум чуть повернул голову, и в этом движении Лире почудилось нечто похожее на благодарность.

Супружеские покои встретили их запахом мускуса и тлена. Стены из живого дерева, пропитанного консервирующими составами, сочились смолой, которая собиралась в янтарные капли на полу. Грибные лампы давали бледный, мертвенный свет. Ложе под балдахином из спектрального мха напоминало одновременно алтарь и операционный стол. Лира, войдя, скинула туфли и прошла босиком по прохладному полу, изучая обстановку. Одна из капель смолы на стене потекла быстрее, когда она прошла мимо — словно дерево реагировало на её присутствие. Кэлум остался у двери.

— Ты можешь снять маску? — спросила она, не оборачиваясь. — Я понимаю про дыхание, но я найду способ защититься. Дай мне хотя бы увидеть, с кем я заключила сделку.

Молчание. Затем — звук отстёгиваемых ремешков. Лира обернулась. Кэлум держал маску в руке.

Его лицо оказалось... обычным. Бледная кожа, тёмные круги под глазами, острые скулы, тонкие губы. Внешне —

молодой мужчина, не старше тридцати. Но глаза — вот что её поразило. Глаза у него были не чёрными, как ей казалось из-под маски, а бледно-зелёными, цвета молодого мха, и светились они собственным, внутренним светом. Светом спор.

— Ты красива, — произнёс он, глядя на неё. — Я ожидал увидеть старуху.

— Я — старуха, — усмехнулась Лира. — Просто хорошо сохранилась. Ты тоже красив, принц. Жаль, что я уже не могу позволить себе оценить это по достоинству. Но спасибо за комплимент. А теперь расскажи мне всё.

Он рассказывал не монологом — допросом. Лира задавала вопросы, как хирург, делающий надрезы: точно, быстро, безжалостно. Какова концентрация спор в крови? (Смертельна через четыре секунды контакта.) Какова дальность поражения дыханием? (Три фута, если без маски.) Действует ли проклятие на растения? (Да, медленнее.) На мёртвую плоть? (Нет.) На призраков? (Никогда не пробовал.) Есть ли у него иммунитет к собственному проклятию? (Частичный — он может касаться себя, не умирая.)

— Твой дядя знает все эти детали? — спросила она, закончив опрос.

— Он их и выяснял, — глухо ответил Кэлум, отвернувшись к окну, за которым чернели ветви Леса. — Когда я был ребёнком, он ставил эксперименты. Подносил ко мне животных, смотрел, как быстро они умирают. Однажды привёл пленника. Пленник кричал четыре секунды.

Ли́ра промолчала. В её груди что-то сжалось — не жалость, нет, давно забытое чувство. Признание. Она тоже знала, что значит быть инструментом в чьих-то руках. Инструментом, который однажды решил сменить хозяина.

— Я могу тебе помочь, — сказала она, открывая сундук с приданым. — Не исцелить. Исцеление — это ложь, которой кормят романтиков. Я могу помочь тебе использовать это.

Она достала свёрток из спектральной ткани. Та переливалась в свете грибных ламп, полупрозрачная, невесомая, свитая из посмертных искр. Ли́ра заплатила за неё три года назад, когда ещё была в силе — заплатила долгом, который до сих пор висел над её Домом. Прядильщицы Душ, единственные мастера, способные ткать из ушедших, взяли с неё клятву: однажды она отдаст им свою искру, когда та окончательно угаснет. Не каменное изваяние, а живую душу — на нити. Ткань, созданная ими, работала как губка: она впитывала магию, любую магию, и запирала её в межмировом пространстве между нитями. Именно поэтому она могла выдержать проклятие Кэлу́ма — не отражая, а поглощая.

— Спектральная ткань, — сказала Ли́ра, разворачивая материю. — Этого хватит на одну перчатку. Если мы найдём способ воспроизвести её без Прядильщиц, у нас будет средство для контакта.

Кэлу́м смотрел на ткань, и в его глазах читалось что-то, чего Ли́ра не видела раньше. Не надежда. Не голод. Что-то среднее — голодная надежда, надеющийся голод.

— Дай мне, — попросил он.

Лира протянула свёрток. Он стянул перчатку с левой руки, обнажив бледную кожу с зелёными прожилками, и взял ткань. Материя вспыхнула ярким светом, принимая на себя удар проклятия, и зашипела, но выдержала. Тогда Кэлум обмотал ладонь и, глядя Лире в глаза, протянул руку.

— Три секунды, — сказала она, повторяя их давний договор. Тот самый, что она предложила ещё в день встречи: «Ты подаришь мне своё прикосновение на три секунды, а я уничтожу репутацию твоего дяди».

— Три секунды, — подтвердил он.

Их пальцы сомкнулись. Лира почувствовала жар — не смертельный, но тревожный, как прикосновение к металлу, раскалённому на солнце. Сквозь ткань она ощущала контуры его ладони, твёрдость костей, напряжение мышц. И — странное, почти эротическое покалывание. Её искра внутри встрепенулась, потянулась к нему, как растение тянется к свету. Или как мотылёк — к огню.

— Раз. Два. Три.

Лира разжала пальцы. Ткань осыпалась пеплом. Кэлум смотрел на свою обнажённую ладонь так, словно видел её впервые за многие годы.

— Ты не умерла, — прошептал он.

— Я же говорила, — Лира стряхнула пепел с платья. — Я эффективна.

Он поднял на неё глаза, и в них горел тот самый внутрен-

ний свет — ярче прежнего. Лира вдруг осознала, что это не просто свет спор. Это был свет его искры — такой же живой, как и её собственная. Проклятие не погасило её, а лишь окружило, как кокон.

— Библиотека моего отца, — сказал он, надевая перчатку. — Там есть записи. Ритуал, который он нашёл. Он не успел его завершить. Если мы найдём способ, о котором ты говоришь...

— Тогда веди, — ответила Лира. — И по пути Расскажи мне о Тибальте. Всё, что знаешь. Нам понадобятся его слабости.

Библиотека покойного короля Орланда находилась не в подземелье — в сердце дерева. Кэлум провёл Лиру через тайный ход, узкий и тёмный, пахнущий грибницей и чем-то сладким, как гниющая плоть. Коридор петлял, спускался, сужался, пока они не оказались перед дверью — не деревянной, а живой. Мембрана, сотканная из корней и мицелия, пульсировала в такт дыханию принца.

— Она узнаёт кровь, — пояснил Кэлум, прикладывая ладонь к мембране. Та разошлась, пропуская их внутрь, и сомкнулась за спиной.

Библиотека Орланда оказалась не пыльным склепом, а садом. Книги не лежали на полках — они росли. Тонкие, светящиеся грибы на длинных ножках поднимались из земли, и на их шляпках проступали буквы, складываясь в слова, фразы, формулы. Свитки были свёрнуты из листьев папоротни-

ка, и текст на них не писался — прорастал венами. Карты, диаграммы, схемы ритуалов — всё это было живым, дышащим, частью экосистемы. В воздухе пахло не пылью, а влажной землёй и мицелием.

— Мой отец был не просто королём, — тихо сказал Кэлум, оглядывая сад. — Он был садовником. Он считал, что любое знание должно расти и размножаться. И проклятие он воспринимал не как болезнь, а как семя.

Лира проходила между рядами грибных книг, и её искра внутри дрожала, узнавая магию, вплетённую в этот сад. Орланд был гением. Безумным, но гением. Каждая грибница здесь была пропитана его мыслью, его поиском. Он не просто искал лекарство — он искал применение.

— Где записи о ритуале? — спросила Лира.

Кэлум указал на дальний угол, где рос исполинский гриб, чья шляпка светилась бледно-голубым, единственная во всём саду. Подойдя ближе, Лира увидела на ней текст — руны, которые складывались в формулы, и формулы, которые превращались в образы. Ритуал. Не исцеления — трансформации.

— «Проклятие Сосуда, — прочла она вслух, и её голос в тишине сада прозвучал почти святотатственно, — есть не уничтожение, но избыток. Не смерть, но неконтролируемая жизнь. Чтобы подчинить её, двое должны стать одним. Один отдаст форму, другой — суть. И возникнет третье — божество или чудовище.»

Ли́ра подняла взгляд на Кэ́лума. Тот стоял неподвижно, и свет грибов отражался в его глазах, делая их почти белыми.

— Твой отец, — медленно произнесла она, — хотел не снять проклятие. Он хотел его использовать.

— Да, — ответил Кэлум. — И заплатил за это жизнью. Ритуал был незавершён. Ему не хватило партнёра.

В тишине библиотеки-сада их взгляды встретились. Ли́ра ощутила, как её искра — угасающая, но всё ещё живая — потянулась к нему. К его свету, скрытому под слоями спор. Два голода. Два конца. И где-то в углу сада один из грибов, доселе тёмный и спящий, начал медленно разгораться, наливаясь бледно-зелёным светом.

Король Орланд оставил после себя не просто библиотеку. Он оставил семена. И эти семена ждали того, кто решится их полить.

Глава 3. Пожатие сквозь саван

Ли́ра проснулась в постели, которая пахла не пеплом, а сырой землёй и грибами. Запах был чужим, но не неприятным — так пахнет лес после дождя, если забыть, что этот лес питается секретами. Она села, поправила сорочку из болотного шёлка и оглядела покои. За ночь смола на стенах застыла причудливыми узорами, и в одном из них Лире почудилось лицо — вытянутое, скорбное. «Лес наблюдает», — подумала она без страха, почти с уважением.

Кэлум спал в смежной комнате — так требовал протокол безопасности. Ли́ра подошла к двери, разделявшей их покои, и прислушалась. Тишина. Ни дыхания, ни движения. Словно за дверью не было никого живого — только тишина, пропитанная спорами, ждущая своего часа. Она отошла, стараясь не думать о том, что её муж спит в окружении грибов, питающихся его дыханием.

Сегодня был её первый полноценный день при дворе Вечной Гнили, и она планировала использовать его с максимальной выгодой. Ли́ра вызвала служанку — бледную фейри с глазами-бельмами, пахнущую болотной мятой, — и потребовала отчёт обо всех придворных, которые будут присутствовать на утренней аудиенции. Служанка, запинаясь, перечислила имена: лорд-камергер Элдрик, леди Миртл — главная фрейлина регента, лорд Корвус — начальник тайной

стражи, и, разумеется, сам лорд-регент Тибальт.

— Лорд Корвус, — задумчиво повторила Лира, расчёсывая волосы костяным гребнем. — Расскажи мне о нём.

Служанка замялась, но под взглядом герцогини быстро выложила всё, что знала. Корвус был правой рукой Тибальта, его глазами и ушами. Именно он вёл слежку за Кэлумом все эти годы, докладывая регенту о каждом шаге принца. Фейри с такими функциями следовало убрать в первую очередь — не убить, нет, убийство привлечёт внимание. Но нейтрализовать, ослепить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.